

Виктор Меркушев
ПЕРЛАМУТРОВАЯ ДОРОГА

Виктор Владимирович Меркушев

Перламутровая дорога

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8272433
Перламутровая дорога./Меркушев В.: Знакъ; Санкт-Петербург; 2011
ISBN 978-5-91638-035-4

Аннотация

Эта книга – своеобразная попытка заглянуть в свой внутренний мир, лучше понять себя и свои желания, распознавать, что есть случайное, а что – закономерное. Отчего так необходимо ценить любое мгновение жизни и не пытаться вернуть утраченное. Осознать себя неотделимой частичкой целого, вместить целое в себя. Проникнуться ощущением счастья, понимая, что между реальностью и воображаемым миром нет непреодолимой грани.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Виктор Меркушев

Перламутровая дорога

Глава 1

Когда под тёмным металлом крыла лайнера качнулся миллионами огней ночной город, Ждан наконец-то осознал, что очень многое из того, к чему он уже успел привыкнуть, теперь не вернётся к нему никогда. Ни люди, ни улицы, ни свежие ветра с Балтики, ни медленный ладожский лёд, плывущий послушным стадом по чёрной невиской воде...

Какое всё-таки это грузное и неповоротливое слово – никогда! Но как же легко и с какой невероятной быстротой проворных ножниц кроит оно человеческие судьбы, срезает нити надежд, звенит острым металлом, режет по живому. Хотя может быть жребий судьбы решит иначе и выпадет ещё случай постоять на висающем Банковском мосту и погладить на удачу белёсый бок бронзового грифона, вдохнуть пряный весенний воздух пробуждающейся

земли в Летнем саду и побродить по улочкам Петроградской, заглядывая в мраморный синеватый мрак старых парадных. А, может быть, и нет.

Ждан помнил, как он когда-то уезжал с юга. Тогда казалось: ну что могло помешать ему хотя бы иногда, ненадолго, возвращаться к манящему морю, к шумящим ручьям, густому, жгучему солнцу. И, конечно же, к тем, в чьей памяти он успел поселиться. Но ему ни разу так и не удалось ступить на пропитанную зноем землю, посмотреть в морской горизонт, да и память о юге пошла по всей поверхности сознания мелкой, сетчатой кракелюрой, ведь память владеет человеком, пока живут в настоящем равнодушные свидетели и участники его прошлого. Уходят они, и память теряет свою эмоциональную окраску.

У Ждана не осталось почти ничего, что напоминало бы ему о юге, лишь большая серая раковина, хранящая в себе шум морского прибоя. От Питера же не осталось вообще никаких свидетельств, кроме памяти.

Ждан плохо сходилась с людьми и совсем не томился одиночеством. Может быть потому, что все предметы ему казались одушевлёнными, хотя без этого невозможно быть пейзажистом, а именно такой выбор он для себя когда-то сделал, ещё даже не будучи студентом Академии.

Тем временем огни внизу встречались всё реже. Коротко вздрагивал палевым казавшийся очень тяжёлым горизонт, и чернели, вбирая в себя без остатка любой свет, озёра и реки, похожие посреди серого и бугристого тела земли на провалы в бездну. А сверху, с остывающего неба, опустил свои прозрачные крылья фиолетовый ангел. Его перья, напоминающие светлые переливающиеся нити многокилометровой мишуры, касались вершин деревьев, осыпая стволы и листья, камни и травы холодными лиловыми бликами, а стекающий с них бесстрастный эфир переполнял всё живое, заставляя души парить в лёгких и беззаботных снах. Грустные глаза ангела были такими же бездонными, как и земные ночные озёра, и в них не отражалось решительно ничего, разве что внимательный наблюдатель мог разглядеть едва заметную фигурку карлика Глокена, всецело занятого своим неуклюжим кораблём и беспокойными пассажирами. Он дул на белый безжизненный корабельный штандарт, заставляя расправиться грубую, затекшую от недвижения материю.

Ждан уже бессмысленно следил, как густеет внизу скользящая земля, и, забываясь в струях беспечного ангельского эфира, неизменно встречался взглядом с расторопным карликом, хлопочущим на корабле.

– Куда держишь путь, – кричал ему Ждан. Карлик хитровато улыбался и всё сильнее надавал на деревянный штурвал, от вращения которого не было ровно никакого толку.

– Плыви на Север, к Бледному материку! – Ждан отчего-то смеялся, так был крепок его голос и таким заповедным и нетронутым казался ему Бледный материк. Счастье и радость переполняли его от сознания, что и ему туда.

Но карлик только махал руками, опасно взбирался на нос корабля, очевидно, таким образом, он делал попытки изменить его курс. Корабль набегал на чёрные волны, и маршрут его был неведом.

* * *

Заполярный аэропорт поражал своей тишиной. Тишина и какой-то висящий дрожащий свет делали его похожим на античный храм. Громадные алюминиевые часы над небольшим зимним садом, погружённые в эту спрессованную тишину, нависали над просторным залом как символ времени.

Ведь это только на первый взгляд стрелки часов демонстрируют свою неподвижность. О, нет! Эти стрелки похожи на две быстрые шпаги и у них свои счёты с человеческим временем. Да, человек преисполнен желания торопить, останавливать, прожигать и даже делает

попытки убить время. Но у времени иные задачи и иная арифметика. Оно ничего и никогда не преумножает и ничего и никогда не прибавляет, знай себе – дробит и вычитает, отнимает и делит.

Ждан стоял внизу под часами и не мог пошевелиться. Пожалуй, только он во всём зале слышал шум их механизма. Ему почему-то показались дикими, выпадающими даже из сюрреальности, неожиданно всплывшие в памяти пластические метаморфозы циферблатов у Дали. Перед ним представало совершенно иное.

Всё пространство часов, начиная с цифры 12, было увешано слоями тончайшей паутины, внутри которой было заметно беспокойное перемещение тысяч и тысяч крошечных человечков. Паука, как ни приглядывался Ждан, обнаружить не удавалось, так, что впору было усомниться в его существовании, хотя ему, как истинному античному богу, могло придти в голову принять совершенно необычное для непосвященных физическое воплощение. Фигурки совсем не прилипали к поверхности, но, тем не менее, как ни пытались, не могли выпутаться из серого круга паутины. Несмотря на кажущуюся хаотичность, движение всё же имело какую-то свою внутреннюю логику. И характер этого движения грубо можно было бы описать как бег по кругу с препятствиями, если бы не общее стремление либо занять центр, либо выйти за пределы наибольшего радиуса, где фигуркам приходилось волей неволей проявлять наибольшую активность. При этом состав участников постоянно менялся – новичков отличала более высокая подвижность и наивное желание сразу же очутиться в центре круга.

Между тем Ждан заметил одну фигурку, которая почему-то показалась ему знакомой, хотя рассмотреть что-либо детально не было никакой возможности. Фигурка двигалась в массе ещё довольно-таки свежих участников и отличалась тем, что не делала никаких попыток пробраться ближе к центру, а пыталась заполучить себе свободное пространство с особенно плотной паутиной, которое почему-то никто не желал занимать. Справиться с этой задачей ей оказалось очень непросто из-за неагрессивности своего поведения и из-за нежелания теснить своих соседей, по неразумению преграждавших ей путь.

Вряд ли допустимо предположение, что Ждан мог видеть как многие участники забега становятся время от времени незадачливыми пассажирами шкипера Глокена, но он обратил внимание, как знакомая фигурка каким-то немислимым образом пробравшаяся на заветное свободное пространство, и сложив руки рупором, что-то пыталась кричать по направлению какого-то тёмного силуэта, отдалённо напоминающего небольшой корабль. Ждану даже явственно слышались слова: «Бледный материк», хотя нет, он ничего не мог утверждать определённо, но увиденное и услышанное сильно взволновало его.

Сюда уже тоже пришла весна, и майское солнце по всем стенам зала развесило свои жёлтые обои и постелило на мраморном полу светлые лучистые ковры. Сквозь широкие и продолговатые окна здания можно было наблюдать буйное цветение тундры, первую зелень невысоких стелющихся кустарников и звонкие, почти оранжевые сопки. Ждан невольно сравнил открывающийся ему ландшафт с серой паутиной циферблата и не мог обнаружить никакого сходства с реальной землёй, если всё же предположить, что часы воплощали собой её упрощенную модель: там, где не лежал снег, земля горела настолько ярко, что казалась вместившей в себя тысячи сияющих радуг. Хотя впереди ещё предстояли долгие морские мили пути, всё же пространство северного моря как-то проще было представить серой трепещущей паутиной. Однако, опять же, как посмотреть: сверху, из-под крыла лайнера земля тоже была похожа на зыбкую и мятую материю, почти такую же условную и ненастоящую, как паутина времени.

Но весна – это тоже грань времени, его узкая и неравновесная сторона. Ждан никогда не видел настоящей северной весны, а за стенами аэровокзала была именно такая.

Наружный дневной свет просто ослепил его.

Столько лучей было растворено в воздухе и возникало ощущение, что этим воздухом совершенно невозможно дышать. Солнечная взвесь простиралась очень высоко, почти до перламутровых облаков, где небесная синь немного разбавляла собой верхние атмосферные слои. Ждан не сразу понял, почему то, что он видит вокруг себя, настолько удивляет его своей необычностью. Если бы не торжественная феерия света, происходящая в весеннем воздухе, можно было бы подумать, что небо вплотную придвинулось к земле: бесконечные и гладкие волны цветущих сопков, огромное, навалившееся на них небо и человек, беспомощно зажатый между ними. Деревья, такие обязательные и необходимые для любых пейзажей, которые обычно приходилось видеть Ждану, вероятно, сбивали этот нечеловеческий пространственный масштаб между небом, человеком и голой землёй, отодвигая своими ветвистыми руками от обитаемой земли гнетущее холодное небо. Здесь не было деревьев, и природа представляла перед человеком во всем своем первобытном ужасе и величии.

Повсюду, вплоть до неровной тёмной черты, где сушу останавливало море – всюду лежали причудливые снежные островки. Их поверхность, покрытая кружевом мельчайших ледяных кораллов, собирала и отражала лучи с такой силой, что по сути, представляла собой своеобразный источник света.

Ждан непринуждённо жмурился и не только от ярких снежных прожекторов, расположившихся среди цветущих мхов и черничника, но и от белой полосы бетонной дороги, по которой он шагал в город, застрявший между двух высоких сопков и кажущийся здесь совершенно лишним. Дома издали напоминали Ждану игральные кости различной величины, словно были брошены человеком на эту яркую живую скатерть Архея в робкой надежде на случайный выигрыш. Но Архею, верно, недосуг считать выигранные им очки. Ведь чего только тут не было за несколько миллиардов лет. А человеку некогда, он спешит, волнуется и нетерпеливо ждёт...

В серых базальтовых глазах Архея невозможно было ничего прочесть, кроме вселенского одиночества, которым, собственно, отмечено всё сущее на земле. А если считать одиночество алгоритмом вечности, то иначе и быть не могло. Возникнув сразу же за порогом Небытия, Архей теперь был глубоко погружён в тундру, которая, впрочем, не всегда была таковой. Здесь когда-то был и берег древнего моря, и прессовались панцири и раковины, образуя пористый мел, и росли тропические гигантские папоротники, огромные секвойи, в зарослях которых обитали страшные диковинные звери.

Ждан не заметил, куда делись остальные его попутчики и были ли они, его всецело поглотило ликование северной весны, неожиданно преобразившееся торжественным хором окруживших Архея сущностей, обратившихся своими бесконечными лицами в сторону Ждана и следящих за ним, заглядывая ему в глаза. Вот уж действительно, жизнь не терпит пустоты. Чем прочнее привязывает тебя бестолковое существование с уродливым, недужным бездельем, праздными друзьями, утомительными визитами и беспельным общением, тем сложнее принять и понять многообразие и осмысленность мира, и, напротив, посредством одиночества – необходимое вытесняется лишним, и тогда природа пробалтывается в своей самой страшной тайне: вездесущести и неистребимости жизни и многообразия её форм.

Звуки растекались по тундре, вязли в набухшей от сырости почве, плутали во мхах и травах, кружились вокруг Ждана, заставляя его внимать им и вслушиваться в звенящую весной торжественную мелодию. Ждан чувствовал, что есть там слова и о нём, о юге и о Петербурге, о прошлом и о будущем, о море и суше, о судьбе частной и судьбе общей, о краткости жизни и о вечности.

Но это не было для Ждана песнью откровения, неясным пророчеством, это было, скорее, похоже на эхо его собственных размышлений, раздумий, догадок. Это было похоже на

стихи, которые возникают непроизвольно, сами собой. А стихи, если это стихи настоящие – всегда деформация реальности, метафорическая деформация.

Ждан часто думал о реальности, реализме, реалистах, поскольку то, что он делал, считалось реалистической пейзажной живописью; но он также хорошо знал, что люди, считающие себя реалистами, нет, не в искусстве, конечно, а просто те, которые уж никак не могут предстать в собственных глазах легкомысленными фантазёрами, на самом-то деле никакие не реалисты, и их картина мира тем дальше от настоящей реальности, чем более они уверены в своей правоте. Он смотрел, как справа и слева от него, невысоко над землёй, парили прозрачные, с золотистым отливом невесомые тела, которые чуть заметно раскачивались над цветущим травянистым ковром и медленно перемещались, легко касаясь белых островков снега, оставляя на них жёлтые, едва заметные следы. И только там, где возвышались ледниковые гранитные валуны, покрытые лохматым пятнистым лишайником, тела обретали большую подвижность, они струились, меняя свои формы, увеличивались или уменьшались в объёме, терялись и возникали снова. Формы тел никогда не повторялись. Ни в чём у них невозможно было обнаружить никакого сходства, ни во внешнем облике, ни в предполагаемой сути, что позволяло отнести их к высшей категории существ, поскольку так уж устроено человеческое сознание, отдающее свои приоритеты большей индивидуальности, приписывающее более сложной внешней структуре более высокую внутреннюю организацию.

А может, это была вовсе лишённая всякого разума, играющая в солнечных лучах и конвекционных потоках воздуха глинистая пыль. Бог весть!

Впереди, уже совсем рядом, шумело северное море. Оно было непохоже на море юга – очевидно, оно никогда не знало штиля, оживленных гомонящих на всех наречиях берегов, сверкающих набережных, смотровых площадок и прогулочных судов с праздными беззаботными людьми.

Море гудело, пенилось, одевая прибрежные тёмные камни в оправу желтоватой накипи. Его острый солёный воздух немного кружил голову своей морской свежестью, море

завораживало, подчиняло своим чарам, и отвести взгляд от его тёмно-синих глаз было невозможно.

Ждан предполагал, что встреча с морем пробудит в нём воспоминания детства, заставит тянуться памятью к самым заповедным островам своей души. В воспоминаниях есть замечательное свойство: событие или впечатление всегда освобождено от сопутствующего ему жизненного контекста, и вычлененное оттуда, оно воспринимается иначе, самодостаточно, словно выдернутая удачная цитата из скучного и утомительного чтения. Наверное, в этой возможности отстраиваться, способности не связывать воедино всё, что с тобой происходит и есть путь к желанной свободе и обретению этого вечно ускользающего, пьянящего своей наполненностью, состояния духа, чаще именуемого счастьем.

Но разве подобные переживания связаны только с освобождённым от всей обыденной житейской шелухи прошлым? Ждан стоял в нескольких метрах от моря и смотрел на изменчивый и таинственный водный мир. На сушу откуда-то оттуда, от горизонта, наваливались огромные волны цвета индиго и бесформенные облака, напоминающие ему струящиеся масляные плёнки на бурых городских лужах. Гонимая двумя стихиями холодная влага жадно поглощалась берегом, точно тот представлял собой гигантскую тёмную губку уже до самой своей последней поры пресыщенной жидкостью: скрипели у пирсов мокрые канаты, стёкла и стены морского вокзала были сплошь покрыты каплями, будто бы после дождя, а серый дырчатый бетон набережной блестел от влаги, точно большое мутное зеркало. Даже одежда Ждана сразу же пропиталась солёной прохладной сыростью, сильно отяжелела и прилипла к телу, словно бы принадлежала уже не ему, а бушующему северному морю.

Да, всё правильно: оставшись наедине с морем, человек не вспоминает о прошлом. Он ведёт диалог с морем, внимая каждому плеску волны, шуму ветра, крику чаек, ибо нет ничего щедрее моря, всегда зовущего, обещающего, одаривающего. И нет ничего величественнее моря, карающего и милующего, дающего силы, позволяющего сбросить груз забот и усталости, забыть обиды и неудачи и ощутить себя другим, рождённым для чего-то нового, доселе неведомого. Ведь и само море, ежесекундно меняя свой облик, всякий раз дышит новой жизнью, обретая для себя и другую форму, и иную суть. Оно тоже не помнит прошлого, а все его затонувшие города и корабли, древние кратеры и вулканы, обнажившиеся базальты коры с возрастом в миллиарды лет – это всё равно его настоящее, явь, непереводаемая в прошлое.

Ждану казалось, что он слился с водной стихией и проникся её духом, иначе как объяснить, что все его мысли были связаны только с настоящим, и с попыткой его объяснить самому себе. Зачем куда-то ехать, лететь и плыть? И зачем вообще заниматься таким делом, которое большинство людей и делом-то не считает? Зачем, в конце концов, так жить, жить такой жизнью, которая воспринимается ущербной и незадавшейся всё тем же упрямым и уверенным в своей правоте большинством?

Море внимало этим мыслям, замирая на мгновения витиеватыми гребнями, которые с шумом падали в кружева пены, хотя может быть не с шумом, а с низким, распевным речитативом.

– Вот незадача! Зачем же это так нужно – знать?

– Знать, чтобы иметь возможность быть свободным в своём выборе.

– Ошибаешься! Чем менее осознанно делаешь выбор, тем более ты свободен.

– Но всё же хотелось бы предполагать наличие смысла пусть даже в своём неосознанном выборе.

– Смысл? Нет ничего безнадежней – определять во всём смысл. Смысл – как ветер: влечёт, будоражит, подгоняет, но разве знает куда, если сам готов поменяться в любую минуту.

– Но есть же что-то абсолютное, предельное, независимое от случая и обстоятельств, перед которыми мы бессильны?

– Конечно, есть!

И тут море подняло в воздух край своей белой мантии, сотканной прибоем, и осыпало набережную и находящиеся на ней клочками невесомого пушистого меха, оставившего на губах Ждана лёгкий солоноватый след.

Ждан оглянулся вокруг. Все люди, которых он смог увидеть, наверняка его возможные попутчики, поскольку случайных людей в таких местах быть не может.

Сопричастность с чем-то обыденным, сознание своего рядового, заурядного статуса и принадлежности, так или иначе, к тем, кого он видит, позволило Ждану освободиться от власти стихии и вернуться на землю, твёрдо ощутив её под ногами. «Святая простота!» – вот что, оказывается, нас более всего привязывает к земле, к навязчивому однообразию будней! Быть обыкновенным, быть в гуще толпы – вот подсознательное желание любого из нас, что бы он при этом не говорил. И какая же необходима сила, чтобы научиться смотреться в бездну, без боязни раствориться в ней!

Глава 2

Едва в сизой дали горизонта наметилась тоненькая чернильная полоса, Ждан почему-то понял, что это и есть ***ный острова. Время было очень раннее, но свидетельствовали об этом только большие висячие часы над узкой металлической лестницей. Те из пассажиров, которые не пожелали сидеть в каютах и давно потеряли всякую надежду заснуть, находились со Жданом на верхней палубе, откуда открывался наилучший обзор на море.

Белая ночь многих с непривычки лишает сна и заставляет испытывать беспричинное беспокойство. Ждан тоже был подвержен влиянию белых ночей, даже таких недолгих и карнавалных, как в Петербурге. И ничего не находил особенного в тревожном выбеленном сумраке белой ночи, недоумевая, как этот болезненный полусвет мог вдохновлять поэтов и художников на создание лирических стихотворений и романтических полотен. Но на высоких параллелях, почти на макушке Земли – далеко за Полярным Кругом белые ночи были другими, это Ждан сразу почувствовал, хотя солнца не было, и небо опустилось над морской поверхностью очень низко, так низко, что упиралось прямо в клубящийся туман, поднявшийся над *ским морем. Здесь, на рубеже двух морей, одного – незамерзающего, обогреваемого тёплым течением и другого, скованного вечными ледяными узловатыми торосами, в любое время года высится исполинекая стена тумана, издали напоминающая бетонную, плохо побеленную бесконечную плиту.

Море, видимо, устало штормить, оно перепуталось в переменных ветрах и молча перебегало по коротким волнам, слегка толкая теплоход в белые, невозмутимые стальные бока. Небо, всё в желтоватых проталинах, сочило вниз свой тепловатый прогорклый свет, который неприязненно принимало выдохшееся море, но отторгала мощная стена тумана, оставаясь такой же голубовато-серой, с непобедимыми сиреневыми пятнами, упрямо восходящими вверх – от основания к вершине, уходящей в небо.

Ждана почти не интересовало, как он будет там жить среди этих людей: строителей и геодезистов, метеорологов и вахтенных рабочих. Его радовало и успокаивало то, что там согласились его принять и даже понять необходимость в таком необычном члене коллектива, хотя Ждан-то отлично знал – членом коллектива он так никогда и не станет, ибо вопреки расхожему мнению Север не ждёт к себе фантазёров и мечтателей, а выбирает сильных и практических людей, не склонных к романтике. Такие люди способны лишь на снисходительное покровительство для тех, кого они своими не считают. А Ждан нигде и не был своим. Ни в детстве, когда друзей выбирают по необходимости, ни в юности, когда их ищут уже по интересам. Ему так и не случилось обрести себе кого-то, с кем можно бы было соприкоснуться внутренним миром, разделить событие, порадоваться значимым пустякам, безразличным и непонятным для остальных.

Но Ждан принимал это как должное. Ну да, видел он и «своих» среди «своих». Видел и «чужих» среди «чужих», и что? По его наблюдениям выходило, что, строго говоря, нет ни «чужих», ни «своих», и всё это не какая-нибудь данность, а лишь настроение, целиком зависящее от обстоятельств. Так стоит ли ради мнимой сопричастности стремиться к тому, что, по сути, лишено подлинности.

Но не это наблюдение более всего поразило Ждана, а предположение о том, что подобная логика может обнаруживаться не только вне, но и внутри всякой человеческой жизни, её событий и истории. Ждан замечал, что человек интуитивно, подсознательно, стремится преодолеть дробность и фрагментарность происходящего, связывая несвязуемое и соединяя несоединяемое при помощи собственных мифов, убедить в реальности которых он стремится прежде всего себя самого. А на деле существуют тысячи и тысячи жизней-блиц, самодостаточных и независимых от прежних, где одни и те же действующие лица выступают

в разном качестве. Реальное и мнимое, подлинное и ложное – одно вместо другого, и то, и другое – условно, неабсолютно, и мы не знаем, где край одной реальности переходит в начало новой, где кончается одна блиц-жизнь и начинается другая. Ждан вспомнил морские волны в порту и нашёл, что это справедливо и для них. А, скорее, и для них тоже, как и для многого другого ещё.

Ждан вслушивался в море, но море замкнулось, что-то глухо бормоча у ватерлинии, запутываясь неровными гребешками вокруг своих вертлявых осей. Первый, самый большой остров из гряды уже зловеще занимал полнеба, нависая зыбкой, освободившейся от снега плоскостью над дышащим прерывистым нестроением морем. Острые скалы и унылые сели замерли перед своими внимательными зрителями с теплохода прихотливым фасадом, на котором вместо окон зияли чёрные каменные провалы, а вместо поблескивающих матовой жёстью водосточных труб серебрились вертикально падающие ручьи. Открытой парадной смотрелся узкий короткий причал с белой одноэтажной постройкой на берегу.

Встречавших его людей оказалось больше, нежели он мог предполагать: к начальнику метеостанции прибились и назначенные соседи Ждана, ибо каждый новый человек на острове – это исключительное событие, и всякому хотелось быть в его авангарде, тем более тому, кто прямо в этом событии участвует. Да, вот сейчас, и он, Ждан, тоже один из них, и то, что эти люди здесь – лишнее тому подтверждение. Неизвестно отчего, вспомнился чей-то рассказ о живой земле, подчиняющей живущих на ней своей воле и делающей их похожими на себя. Дикая, несуразная история, и ещё тогда Ждан мысленно оппонировал рассказчику, считая, что, оказавшись в таких забытых краях, человек, напротив, максимально проявляет свою индивидуальность.

Поднявшись по узкой, почти отвесной тропе наверх, Ждана более всего впечатлило обилие воды вокруг небольших заснеженных участков земли, дерзнувших забраться так далеко, почти в океан. Во всяком случае, отсюда виднелась серая кора льдов океана, от которой текли к югу дымящиеся айсберги. Дальше уже не было никакой земли.

Посёлок был основательно вмурован в снег. Некоторые здания и не пытались освободиться от его цепких объятий, и только бледные трубы, словно диковинные грибы, парили над белой невозмутимой равниной. Ждану был уготован именно такой дом. К его двери вёл неровный наклонный тоннель, по-видимому, чреватый внезапными обрушениями; здание было одноэтажным, но на высоком фундаменте, ибо внизу, у самой двери, в полумраке хорошо читались массивные каменные ступени.

Скатившись вниз, Ждан очутился перед тяжёлой чёрной дверью, за которой была ещё одна дверь, уже поменьше, после которой Ждан попал в тесный длинный коридор, с тусклым светильником в самом конце.

В комнате было темно и сыро, но небольшое окно против входа все-таки источало какой-то серый, мутноватый свет, лениво растекавшийся по редким предметам интерьера, поражающих своей архаичностью. Дневные лучи, каким-то хитрым способом, проникали сквозь взрыхлённую незаходящим солнцем снежную коросту и отражались, собираясь в пучок, с помощью льдистой сферической лакуны, образовавшейся возле оконного стекла.

Включённая электрическая лампочка, вмонтированная в пыльный, совершенно бесполезный абажур, придавала комнате некоторое цветовое разнообразие: в углу обнаружилась никелированная кровать с коричневым одеялом, прямо перед ней стояла белая тумбочка, обклеенная картинками из журналов, а неровный стол, покрытый морщинистой зелёной клеёнкой, нависал упрямой фиолетовой тенью над несколькими грязными стульями, среди которых нелепо затесался прихотливо изогнутый венский стул. Ждан усмотрел в этом своеобразный знак и опустил на круглое, покрытое бледными узорами сиденье. Его примеру последовали и остальные.

Ждан вспомнил маленького шкипера и усмехнулся. Провидец Босх! И этот смысл тоже сокрыт в твоей великой картине! Собственно, чем я не Глокен? А вот и мои пассажиры, плывущие неведомо зачем и неведь куда: сумрачный Мышалый (не ясно – кличка, фамилия?) и Петрович, молодой человек, наделённый негромкой непрерывной речью, не имеющей никакого содержания, ни конца, ни начала. Они – кто? И почему здесь? Конечно, можно вспомнить все высокие слова, подходящие для произношения в подобных случаях, но даже в сильно сниженном значении они не имеют к данным людям никакого приложения. Опять неясно, где следствие, а где причина, человек сам пишет свою судьбу или уже пылится где-то готовые партитуры, ждущие исполнителей, в число которых обязательно входят все те, кто, так или иначе, участвует в этом странноватом оркестре жизни. Ну а его, Ждана, не занесло ли сюда попутным ветром, хотя нет, не было никакого ветра, ибо зачем же он так отчаянно крутил свой деревянный штурвал, дул на безжизненный белый штандарт и опасно взбирался на нос своего корабля в надежде изменить его курс? Или это тоже прописано в партитуре?

Ждан опять вспомнил о живой земле. Если этому поверить, тогда и острова, и материка – всё живая земля. Только в островах больше индивидуальности, чем в крошечных клочках суши так тесно прижавшихся к друг другу, что им было суждено нечаянно слиться в один большой неразделимый конгломерат, образующий материк. Правда, Ждан и его спутники теперь далеко от материка, они на крошечных северных островах, окружённых своенравными морями, сплошь засеянными серыми угрюмыми айсбергами. Но если бы странная компания вышла из своего убежища и, не боясь заболеть «снежной слепотой» внимательно посмотрела на горизонт, где горящие льды взметают свои диковинные миражи, то увидели бы дневного синего ангела, парящего в голубом, расчистившимся от облаков, небе. Ангела провозглашающего солнце. Вернее, примиряющего с ним, поскольку солнца сейчас слишком много, так много, что земля фактически утратила тени. Любые движения его лёгких крыл, превращаясь в синие упрямые волны, насквозь пронизывали пространство, пропитанное ослепительным жёлтым солнцем, и возвращали цвет тыльным сторонам камней на обесснеженных склонах, оседая в глубине моря, холодили беспокойные гребни волн, которые

в отсутствие этого бегущего синего света становились похожими на кипящую в огненном прозрачном колпаке ртуть.

Там, на той же высоте, рождались ветры, летящие к большой земле, они разгоняли синие волны и напивались их силой, падали на города, рассыпаясь прерывистой речью в слуховых окнах, на проводах, в водосточных трубах. Слышите синие звуки и синие слова? Они предназначены тем, кому не хватает спокойствия и силы погожего дня, кто угнетён горячечным смятием чувств и так нуждается в ясности и прохладе упругого синего ветра, рождённого там, где в чистом северном небе дневной ангел распростёр свои синие крылья.

Глава 3

В чём доподлинно и всечасно были уверены островитяне – так это в том, какое сегодня число и какой сегодня день недели. Любой знал, какие передачи были с утра по радиостанции «***», и всякий слово в слово мог повторить прогноз погоды, передаваемый по местному радио. Все, конечно, знали друг друга – хотя бы потому, что присутственных мест было не так уж много, а при встрече, по неписанным этическим нормам, жители обменивались приветствиями, нередко перебрасываясь парой фраз, которые при тех или иных обстоятельствах могли перерасти в непродолжительный диалог. Самым посещаемым заведением на острове, безусловно, была почта. Люди заходили туда и без всякой нужды, иногда по нескольку раз, такой же популярностью пользовался единственный в посёлке магазин, торговавший как продуктами и промтоварами, так и керосином, машинным маслом и гудроном. Клуб, поражавший воображение своей многопрофильностью, имел куда как меньший спрос, хотя при нём была неплохая библиотека и спортивный зал. Ждана удивляло, что никто и никогда без особой надобности не покидал посёлка, не бродил среди древних гор и не спускался к морю. И в этом единственно Ждан отличался от прочих, поскольку тоже любил заходить на почту и безошибочно мог назвать и сегодняшнее число, и день недели. Как и предвидел Ждан интерес к его необычной деятельности как-то быстро сошёл на нет, портретов Ждан не писал, а подолгу и в любую погоду бродил в поисках подходящих мест для своих пейзажей. Вскоре желающих следовать за ним не оказалось вовсе. Соседи тоже почти не беспокоили: ни имеющий на всё на свете своё особое мнение Мышалый, ни болтливый Петрович, не могли спровоцировать Ждана ни на ненужный спор, ни на бесполезную беседу. Люди, казалось, вели себя обычно, на их поведении никак не сказывалось, что они находятся на самом краю земли, среди океана. Многие сотни мелочей, которые единственно и объединяют людей и даже нередко замещают собой часть личности, здесь проявляли себя слабо или же отсутствовали вовсе, что возвращало людей к самим себе, открывало для них собственные внутренние миры, такие же непонятные и далёкие как затерянные в океане острова. Кто сказал, что человек живёт так, как ему хочется, а не так, как того хотят другие? Человек почти не знает себя, боится увидеть себя не таким, как привыкли воспринимать его окружающие люди. И не всегда ему необходимо то, что вдруг обнаруживается в нём самом, спокойнее не чувствовать, не знать в себе другого, а двигаться вместе со всеми, никак не выделяясь из общей массы – все равно куда и неважно зачем.

Тем не менее, фактор захолустности, удалённости от бурлящего мира, хоть прямо и не сказывался на поведении, всё же влиял даже на самые невпечатлительные натуры. Это было чем-то похоже на боязнь открытого пространства. Ждан часто испытывал это на себе, чувствуя, как порой проваливается в этот осязаемый космос: чужое, неведомое, холодное и огромное вырастало перед ним – иногда медленно расползаясь и возникая отовсюду, но бывало, что это ощущение формировалось стремительно, пронзая всё его существо подобно порыву колючего норд-веста. Взгляд становился беглым и скользящим, и его невозможно было ни остановить, ни задержать: он безвольно устремлялся вдаль, соскальзывая в сосущую бесконечность. Даже то, что уже пыталась произнести и определить для себя душа – узкий мысок соседнего острова, зыбучий овал реликтового озера, неторопливо и внимательно пересчитывающего у своих берегов мелкие волны, вечно меняющее свой цвет море – всё казалось незнакомым, несоотносимым ни с собственным прошлым, ни с былым опытом. Люди казались нелепым отшельным племенем, таким же далёким и чужим, как всё, к чему прикасались хрупкие лучи горького полярного солнца, неумоимо кружащегося над расплывающимся горизонтом. И напротив, одушевлённые черты приобретало то, что ещё полчаса воспринималось иначе: и земля, и море, и небо.

Люди, оказавшиеся на этих широтах, никогда не видели такой земли, им никогда прежде не приходилось наблюдать подобных пейзажей – такими разве что могли предстать в их воображении непостижимые марсианские ландшафты: слоистые горы, каменные реки, арктические пустыни, растекающиеся в долинах серым острым гранитом с редкими оазами цветных мхов и глубоко сокрытая в скалистых каналах свистящая вода.

Море, навалившееся всей своей тяжестью на ошметинившиеся серыми отвесными боками сгрудившиеся острова, вязко вращалось, переливаясь тусклым чёрным металлом. Морская поверхность казалась рассыпанной на множество разнофактурных подвижных плоскостей, в которые вторгался ледяной лом от полярного панциря, образуя за собой извивающиеся желтоватые хвосты. Солёный маслянистый пар висел над морским непокоем, увлекаемый ветром он втекал в отсыревшие поселковые дома, оставляя на всём мелкую узорную росу.

Ждан никак не мог понять: каким образом ему удаётся преодолевать этот страх неведомого, страх одушевлённой чуждой среды. Страх исчезал как-то внезапно, словно окружение, только что желавшее поглотить человека, заставить повиноваться своим законам, смысла которых он не понимает, замещалось присутствием изначально благорасположенной силы, преобразующей и землю, и море, и небо.

Нет, стихия не меняла своего нрава, но, подчиняясь, отпускала человека, становилась конечной, замыкалась сама на себе. Но и тогда она вела себя по-разному. Ждан научился различать, когда океан дышал прерывисто и недужно, заражая и его, Ждана, тёмными, колеблющимися страхами своих глубин, а когда лёгким и пряным дуновением извещал о том, что в невольном взаимодействии с человеком он готов общаться на равных. Тогда Ждан брал этюдник и становился на самой кромке обрыва и изучал море, пытаясь за видимым воплощением постичь его сокровенную суть, ибо любые вещи открываются тем, кто хочет их понять, желая говорить с ними на одном языке. Как и любому живописцу ему хотелось передать не только объективную зримую картину, но и попытаться заглянуть за край, за границу своего собственного представления от увиденного.

Ждан не мог позабыть, когда он впервые нашёл в альбоме репродукцию картины Клода Моне «Море». Ему тогда показалось, что он не столько увидел, сколько услышал и почувствовал море. Оно было везде: рядом, в соседнем помещении, где-то далеко, в ином времени, в другом измерении. Чувствовался горький морской воздух, лёгкая водяная пыль влажно касалась губ, оставляя на них неповторимый вкус моря. Шум волн разбивающихся о берег стоял у него в ушах – Ждану даже казалось, что море разговаривает, может быть даже спрашивает его о чём-то. Ждан тогда ещё почти ничего не знал о мире, в который пришёл, но уже много знал о море, около которого он жил и которое было рядом, прямо за дверью его дома. Но, вглядываясь в лазурное бескрайнее пространство, которое едва сдерживали цепкие берега, Ждан почему-то ощущал, что о мире он уже знает всё, только не всё может сразу вспомнить, и не всё может внятно объяснить. И что ему не какой-нибудь десяток лет, а тысячи и тысячи лет, что он ровесник самому Архею, а ребёнок – лишь по недоразумению.

Конечно, эти знания, если можно так назвать то, что не проверено опытом, имели характер интуиции, но она проявлялась лишь тогда, когда Ждану удавалось раствориться в своём окружении, стать даже не его частью, а им самим, ощущая себя одновременно и в непрерывном движении непостоянной воды, и в тяжёлой неподвижности дремучих камней, и в непреклонности упрямых деревьев, спускающихся по склонам гор к морю. Мир оставался прежним, но становился многомерным: в нём исчезали случайности, которые прослеживались как звенья длинных цепочек событий, имеющих и свою логику, и непосредственные связи со всем остальным – произошедшим, происходящим, и с тем, что ещё только должно произойти. Это было похоже на молитвенное состояние верующего, посетившего храм: останавливалось время и размывалось пространство, общее становилось частным, а

частное общим, ничем невозможно было пренебречь и всё казалось исполненным значения и тайного смысла. Но стоило лишь обособиться, вновь обрести в себе прежнюю волю и характер, как возобновлялся бег времени, возвращалось пространство, оставляя тебе крошечный клочок суши, частное начинало не пересекаться с общим, а в иконах становилась заметной плохая живопись и мутный восковой налёт от чадающих свеч, неразличимый прежде. Как целое никогда не равняется сумме его частей, так и человек никогда не равен самому себе, во многом будучи зависим от того, к чему он в данный момент обращён. Соприкасаясь с неизвестным, человек стремится его понять в образах и представлениях своего прошлого опыта, и, если ему это не удаётся, меняется сам. Художник, по праву своего ремесла, всегда сталкивается с неизвестным, даже, если это, казалось бы, хорошо знакомые всем вещи и предметы, но только острая их, показывая невидимые их грани, он решает свою основную задачу – постижения окружающего мира посредством своего живописного языка, нередко не менее сложного, нежели язык математических формул.

Ждан прекрасно это знал, но, несмотря на неудовольствие академических педагогов, более всего полагался на случай, будучи искренне убеждён в том, что случайностей не бывает. Хотя, с другой стороны, Ждан признавал и существование иного, где случайности не имели никакого отношения к законам, по которым существовал этот понятный и объяснимый мир, где мёртвая вода плескалась вокруг мёртвой земли, и где на границе мёртвых льдов зарождался бездушный ветер, накрывавший немую каменную пустыню с зябнувшими людьми, взявшимися среди всего этого небытия неизвестно откуда. В этом мире всё было определено количественно, поделено на выверенные отрезки и объёмы, и все величины являлись конечными и рациональными числами. На этот мир не взирал с недоступной высоты фиолетовый ангел с глазами, грустными, как чёрные озёра, и не возникал в сияющем небе солнечный ангел, посылающий уверенность и силу в страждущие души.

Какой из этих двух миров правильный Ждан не знал. Первый существовал согласно презумпции естественности и был официально признан, второй – Ждан ощущал каждой клеткой своего существа. В той или иной степени подобное раздвоение испытывал всякий, с кем Ждану приходилось когда-либо общаться, но здесь, на острове, это проявлялось наиболее ярко, часто в форме болезненных суеверий. В этом Ждан убедился позже, когда узнал о странной, заброшенной дороге, проложенной от реликтового озера, у западного маяка.

Наконец-таки и сюда, на край земли, пришла весна, через торфяные озёра и еловые леса, пёстрые тундры и белые ручьи, тяжёлые морские туманы и шельфовые острова. Она пришла внезапно, вместе с разрушением заключающей в себе сушу ледяной скорлупы, которую снесли в океан разбуженные солнцем горные реки. Скорлупа слетела с островного плато с оглушительным рёвом, ворочая прибрежные камни и ровняя утёсы. Вода вскипала у берегов, морские птицы беспокойно кружили в воздухе, издавая плачущие пронзительные крики, дремавшие всю долгую зиму сели пришли в движение, с царапающим шорохом камни стекали вниз, стараясь догнать гибнущий лёд. Через несколько часов всё стихло и можно было спокойно наблюдать преобразившуюся землю, усеянную, словно крошечными бутончиками тюльпанов, жёлтыми почками карликовых берёз.

Вот тогда-то Ждан и обнаружил ровную, мощеную гладким камнем дорогу, уходящую за горизонт. Ждан сразу же вспомнил разговор с Мышалым, в котором тот упомянул о «чёртовой» дороге, не ведущей никуда.

– Будешь у маяка, пойди посмотреть на наш Млечный Путь, чёртову магистраль, ведущую прямёхонько на небеса, – Мышалый поудобнее устроился на стуле и сделал многозначительную паузу. По всему было видно, что он имеет сообщить нечто совершенно исключительное, важное, до сего времени по тем или иным причинам остававшееся вне упоминания.

– Магистраль? Разве здесь есть дороги? – Ждан уже привык, что единственным транспортом на острове является вездеход, да и кому бы пришла идея строить стационарные дороги там, где снег лежит десять месяцев в году.

– Брось ты это, – встрепенулся Петрович, какая дорога? Ну, выложен небольшой пяточок у озера, а ты лучше к маячнику зайди. У того всегда коньячок для хорошего гостя найдётся. Мышалый усмехнулся и даже не обернулся в его сторону.

– Ну, это кому что, кому и пяточка хватит, чтобы спотыкнуться и нос разбить, а кому идти, идти и видеть такое всякое, что никак до конца добраться не выходит.

– Если ты это о себе, то тут дураков нет, – не унимался Петрович. Это всё коньяк, а что маячник липшего болтать не будет, так это нам и так хорошо известно.

Мышалый явно был настроен на продолжение разговора о загадочной дороге, но вести беседу при Петровиче ему тоже не хотелось. Однако ни завтра, ни потом, Мышалый не возобновил темы, которой он явно желал удивить Ждана, и к которой, безусловно, имел некоторое касательство. Но Мышалый не упоминал о дороге вовсе, точно и не было того начатого разговора. Да и никто и никогда не говорил ни о какой дороге, но ведь если она была, то всяк бы должен был уведомить Ждана, о ней, как о местной достопримечательности. «Сойдёт снег, там буду, и сам посмотрю», – решил Ждан и перестал думать об этом.

Дорога была вымощена тёмным гладким камнем и начиналась непосредственно от воды. Булыжники тесно примыкали друг к другу, почти без зазора, а дорожный край представлял собой ровную линию, выложенную крупной морской галькой. Дорога тянулась очень далеко, к горизонту, и действительно создавалось впечатление, что она поднимается к небу. Собственно, ничего такого особенного в увиденном Ждан не обнаружил, разве что каменная мозаика, сливаясь в отдалении в сплошную серую полосу имела необычный перламутровый блеск.

Это обстоятельство почему-то очень встревожило Ждана, и, скорее всего, не оттого, что гранит, которым преимущественно была выложена дорога никогда не имеет перламутрового отлива, а, скорее, потому, что перламутр – это тот материал, который Ждан любил больше всего. Так созвучный стихии, его породившей, перламутр никогда не представлялся Ждану мёртвой материей. Вечно переливающийся, мерцающий, он хранил в себе тончайшие мимолётные и вибрирующие радуги моря, его цветные всполохи, чистые и прозрачные цвета, которые нечасто увидишь в окружающем мире. На него можно всегда смотреть сколь угодно долго и можно даже послушать, стоит лишь наклониться к узорчатой створке раковины – покинутой хижине морского моллюска, теперь навечно занятой беспечными фантомами моря.

– Как дела, где сейчас занят, чем живёшь, – различимы вопросы среди монотонного морского шума, вопросы, на которые совершенно необязательно отвечать, ибо тот, кто их задаёт, знает гораздо больше, чем ты. Знает, что твоя память, твоё прошлое, тоже чем-то похоже на непостоянную перламутровую поверхность – всё искрится, дышит, меняет свой знак, цвет, смысл... Дальнее становится ближним, горечь не горчит, радость не обжигает – и есть только это острое мгновение между вдохом и выдохом. Кто ты – неважно, чего ты достиг – не имеет значения, и есть ли кто-то думающий и помнящий о тебе – тоже не так существенно. И кажется, что было всё, что когда-то прикасалось к памяти – придуманное и прочитанное, чаемое и иллюзорное. И кажется, что ничего не было из пережитого: ни разочарований, ни неудач, ни предательства. И жёсткий контур Судьбы, и мягкий абрис Несбывшегося тонут в пульсирующем, перламутровом свете, рассыпаясь в невесомую горящую пыль, заполняя всё пространство между вдохом и выдохом.

Глава 4

Если бы Ждану предложили представить в своём воображении дорогу, то из всего многообразия жизненных впечатлений он, первым делом, вспомнил бы про «Владимирку» Левитана. Не тысячи виденных им дорог, трасс, магистралей пришли бы ему на память, а угрюмый Владимирский тракт, перемежающийся жёлтыми глинистыми тропами. Вверху серое, клубящееся небо, впереди бескрайние цветущие поля, вдали островки синего леса, а на самом переднем плане жесткий гравий на белой пыльной полосе.

Сколько раз он слышал и читал про несчастных колодников, шествующих угрюмой нестройной колонной по «Владимирке», но как ни пытался, не мог представить ни одного – только душный запах сохнувших трав, дребезжание кузнечиков и стрекоз, и серая пыль, мгновенно оседающая на обуви. Это заблуждение, что дороги куда-то ведут: просто по ним кто-то приходит туда, куда должно. А в общем случае – все дороги ведут в никуда, и лишь в частном – куда-то.

Но если бы Ждана спросили, почему «Владимирка», то он наверняка бы ответил, что в этой картине изображён не столько сам Владимирский тракт, сколько показана суть любой дороги, пути, по которому суждено пройти каждому. И тропы, блуждающие около, и упругий бурьян, и горизонт в сизой дымке – любая деталь этой работы рождает ощущение, знакомое всякому идущему – ощущение натруженной узорчатой вязи пройденного пути и волнующей чувственной взвеси пути предстоящего. Разве мы сами выбираем свои дороги? Это дороги выбирают и испытывают нас.

Дорога от западного маяка мало походила на «Владимирку», практического значения, скорее всего, не имела, и даже нетрудно было предположить, кто бы её мог построить. Но в отличие от колодников «Владимирки», которых Ждан никак не мог себе вообразить, строители этой дороги стояли перед ним, словно живые. И эта дорога была, пожалуй, последним из того, что им приходилось делать в своей жизни. Тёмные, неясные очертания человеческих фигур лепились вокруг Ждана, наслаивались друг на друга, пересекались, встраивались в этот мутный и вязкий тон, соединивший в себе и их тела, и их жизни, и их судьбы. И только лица отчётливо смотрелись на фоне этого чёрного живого кольца, такие разные, такие несхожие, заглядывающие так глубоко в душу, что становились понятными все их сокровенные мысли. Тысячи и тысячи глаз: вопрошающих, молящих, предупреждающих. «...Когда они шли, шли на четыре свои стороны; во время шествия не оборачивались. А ободья их – высоки и страшны были они; ободья их у всех четырёх вокруг полны были глаз...» Но эти глаза, эти лица не были чем-то отвлечённым, сторонним, чем представлялось Ждану видение Изекииля. Ждан ощущал, что каждый из предстоящих имеет к нему самое прямое, самое непосредственное отношение. Может быть потому, что среди этих людей мог бы оказаться его дед, а может быть потому, что эти люди безвозвратно увязли в своём Несбывшемся, и оттого их судьба касается всякого живущего.

Как-то давно, между страниц старого журнала Ждану попался графический лист эстонского художника Эдуарда Вийралья «Ад». Кто-то, попросту, вырезал его из подобного же издания и вложил туда, неизвестно почему и зачем.

Тысячи лиц, тысячи глаз смотрели на зрителя, лист казался живым, полным отчаяния и безысходности, – тысячи потерянных, незадавшихся судеб, канувших в небытие, зывали оттуда к живущим в лице своего единственного созерцателя.

И чем больше Ждан смотрел на эту картинку, тем отчётливей в его сознании проступало некое собирательное лицо, оно походило на все лица сразу и не походило ни на одно. Ждан не мог оторваться от увиденного, время словно бы залипло, съёжилось, хотя жизнь успела уже перескочить с одной своей ветки на другую, однако Ждан так и не смог заметить,

когда лист сумел уменьшиться до размеров клетки, служившей единственному лицу, поглотившему все другие изображения, естественным обрамлением.

Ждан почувствовал, что тот, из клетки, это есть его собственное отображение, только отображение в чёрном зеркале, способном отразить все гипотетические варианты будущего. Это лицо вмещало в себя всё: и тяжесть собственной плоти, и набухшую грузность внешнего материального мира, и стремительный и блуждающий ток нетерпеливых ожиданий и пьянящих надежд, и всю замысловатость и причудливость той духовной невесомой среды, в которую погружены все люди, живущие, уже ушедшие, и те, которым ещё только предстоит прийти. Никакое случайное движение, незначительное изменение не обходило стороной чёрного зеркала, оно следило всё, вплоть до пульса и дыхания, мелькания образов и мыслей, скольжения чувств и представлений. Наверное, так и должно воздействовать на человека истинное искусство – заставлять его прожить ещё одну жизнь, отражённую во всей своей сложности и многообразии в зеркале Несбывшегося.

Хотя никакой, даже самый совершенный художественный гений не в состоянии перенести на полотно всю глубину и разнообразие природы, сокрытое в её неповторимых узорах, причудливо и неожиданно преломляющихся во всякой капельке времени, падающей через наш непостижимый мир. Явь гипнотизирует, диктует, ведёт, разворачивая перед художником такую бездну, где нечего делать его собственной фантазии, поскольку образы и формы действительности превосходят по силе все самые замысловатые фантомы воображения. Всё мелькает, мерцает и ждёт своего воплощения. Кто же это писал, что Бог создал художника, дабы исправлять недостатки Его Творения! Разве можно что-либо исправлять в том, что ты не в состоянии понять и осмыслить? Да и кто из людей созидających дерзнул бы соотнести свои дела с этой невыполнимой миссией? Нет-нет, только вглядываться, вслушиваться, вчувствоваться в миражи и шорохи мироздания и различать в них явления, у которых ещё не существует имен, и находить вещи, у которых ещё нет названий...

Ждан подался вперёд и через несколько шагов очутился внутри кольца, окружавшего его. Свет нелепо задрожал и померк, внезапные сумерки съели пространство и подменили время – полярный день потерял свой глянцевый аморфный лак, а ближнее и дальнее перепуталось и поменялось местами: маяк смотрелся почти неразличимым силуэтом на фоне потемневшего неба, казалось, что он прилип к нему и завис вместе с бурым солнцем над чернеющим простором, море же потерялось совершенно, ровно, как и земля, поверхность которой выдавали лишь белые камни, фальшивыми равноудалёнными пятнами перегружая и без того отяжелевшую панораму. Дорога, тем не менее, словно бы не заметила наступившей тени, оставаясь блестеть дымчатым перламутром посреди мглистого, глухого пейзажа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.